

Litera

Правильная ссылка на статью:

Берзина М.Е. Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова» // Litera. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72455 EDN: XVGIBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72455

Обращения к документам эпохи как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: классификация «чужого слова»

Берзина Маргарита Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-0839-6655

независимый исследователь

124683, Россия, Москва, г. Зеленоград, без улицы, 1557, кв. 20-21

✉ margaritashanurina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.12.72455

EDN:

XVGIBL

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу интертекстуальных особенностей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», а именно — анализу его нехудожественных претекстов, которые ранее еще не были комплексно рассмотрены. Предмет исследования — фрагменты путеводителей, царских указов, докладов, статей, вплетенных в ткань повествования прежде всего с целью отражения языковой действительности эпохи НЭПа. В статье, с одной стороны, приводится уже существующая классификация «чужого слова», т. е. интертекстуальных элементов, в романе, а с другой, классифицируются, с опорой на типологию, разработанную Г. Блоком в книге «Пушкин в работе над историческими источниками», обращения Ильфа и Петрова к тем или иным источникам, не относящимся к художественной литературе. Метод

проведенного исследования — интертекстуальный. Соответственно цитаты, использованные Ильфом и Петровым в романе, в статье делятся на явные и скрытые, а также на ссылочные и иллюстративные. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые была проведена систематизация и комплексный анализ цитат из нехудожественных источников. Данные цитаты частотны в тексте "Двенадцати стульев", однако прежде не составляли предмет исследования в трудах, посвященных творчеству Ильфа и Петрова. В то же время сделанные в статье выводы дают ключ к более глубокому прочтению "Двенадцати стульев" как романа травестийного. Стилистическая особенность в виде частого обращения соавторов к нехудожественным источникам выполняет в том числе «остраняющую» функцию, становясь еще одним средством реализации пародичности в «Двенадцати стульях», романе, совмещающем в себе, казалось бы, несовместимое: риторику царских указов и высказывания К. Маркса, подчеркнутые поэтизмы и канцеляризмы, старую и новую эпоху.

Ключевые слова:

И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев, Г. Блок, интертекстуальность, пародичность, сатира, травестия, цитата, раннесталинская эпоха

Поэтика романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» — это «поэтика, ироничная по отношению отстоявшимся культурам, как старым, так и новым, отстраняющая и десакрализирующая эти культуры, обнажающая в них элемент условности и автоматизма; поэтика, заботящаяся о создании яркого, красивого мира и увлекательного сюжетного действия, но оттеняющая эти эффекты некоторой игрушечностью и пародийностью в моделировании мира» [\[1, с. 72\]](#).

Как для Ж. Деррида «нет ничего вне текста» [\[2, с. 318\]](#), так для Ильфа и Петрова нет ничего вне сказанного: «Жизнь глазами Ильфа с Петровым есть способ существования... текстов» [\[3, с. 18\]](#) (М. Каганская и З. Бар-Селла подразумевали, конечно, тексты художественные, но, в сущности, для соавторов важны не только они), «...стиль, создаваемый Ильфом и Петровым, весь ориентирован на уже существующее» [\[4, с. 100\]](#).

На сегодняшний день существует лишь одна классификация интертекстуального материала в романе «Двенадцать стульев», принадлежащая Ю. Щеглову. Исследователь отмечает реализацию «чужого слова» на нескольких уровнях первого произведения об Остапе Бендере:

1. Фабула. В ее основе — архетипический мотив поиска, перекликающийся прежде всего с детективным рассказом Артура Конан Дойля «Шесть Наполеонов». По Щеглову, отчетливые переклички прослеживаются и во второстепенных сюжетных линиях: «Так, прибытие Ипполита Матвеевича в Старгород к своему бывшему дворнику Тихону — это советское воплощение древнего мотива "старый дом и верный слуга"» [\[1, с. 73\]](#).
2. Система персонажей: образы многих героев романа тяготеют к архетипам. Щеглов называет следующий пример: архетип целеустремленного героя, которого сопровождают бестолковые и все портящие товарищи: «ср. спутники Одиссея, съевшие священных быков» [\[1, с. 74\]](#). К данной категории образа-архетипа можно отнести, например, и пожилого хранителя тайны, связанной с обогащением (мадам Петухова).
3. Жанровый и композиционный планы. Во-первых, композиция «Двенадцати стульев»,

отсылающая к жанру романа-путешествия, основана на древнем мотиве странствия, соприкосновения с разными сферами жизни, встречи разного рода «чудовищ» (Гомер, Сервантес, Смоллет, Гоголь). Во-вторых, для композиции романа характерны такие элементы классической литературы, как вставные новеллы, письма, авторские лирические отступления. «Структура романа у Ильфа и Петрова выглядит как сгусток канонической нарративно-композиционной техники, как антология известных сюжетных и стилистических приемов» [\[1, с. 75\]](#).

4. Фразеологический и стилистический планы. «В синтаксисе, структуре фразы, периода и абзаца, интонационном рисунке, риторических и поэтических фигурах» [\[1, с. 75\]](#) прослеживается огромное количество аллюзий на мировую литературу. Именно этот план романа в первую очередь является объектом изучения в данном приложении.

5. Пафос. Комментируя средства создания сатиры в «Двенадцати стульях», Щеглов пишет следующее: «Элементы фарсового комизма и эксцентрики — физическая расправа, драки, погоня, вопли, прыжки, падения и проч., равно как и комически отрешенная, квази-интеллектуальная манера описания всего этого, — типичны не столько для русской литературы XIX в. ... сколько для мольеровской и особенно диккенсовской школы европейского юмора» [\[1, с. 76\]](#).

При этом представляется не до конца понятной разница между первым и третьим из выделяемых планов, так как оба они так или иначе подразумевают реализацию интертекстуальности на мотивном, т.е. повествовательном уровне. Кроме того, разделить элементы «чужого слова» по предлагаемому Щеглову принципу достаточно затруднительно: большинство аллюзий будут относиться сразу к нескольким (а иногда сразу ко всем) из перечисленных уровней.

В целом сложность применения типологии для анализа романа «Двенадцать стульев» заключается, во-первых, в том, что большинство фрагментов использованной чужой речи в романе не имеют одного конкретного претекста, а относятся к так называемому «резонантному полю», понимаемому, по В. Топорову, как установка на отсылку «к сложным композициям центонного типа, к склеиванию литературных персонажей, к переодеванию, переименованию и иного рода камуфляжу» [\[5, с. 35\]](#).

Проблема, с которой вынужденно сталкиваются исследователи «чужого слова», чрезвычайно актуальная и при анализе Ильфа и Петрова. А. Агапов в статье, посвященной роли цитаты в творчестве В. Ерофеева, формулирует ее так: «а создают ли дополнительный смысл, указывают ли на тот или иной подтекст и другие случаи цитирования, когда автор ссылается на всем известные тексты» [\[6\]](#). Щеглов также комментирует сложность данного вопроса: «в практической критике подобные разграничения нередко недооцениваются (а то и принципиально отбрасываются), и интертекстуальность, т. е. эффект, основанный на активизации различий, неразборчиво приписывается любым совпадениям и параллелям» [\[1, с. 79\]](#).

Сложность кроется в объеме материала, который подлежит сперва проверке на интертекстуальность, а затем классификации. Так, перечисление цитат и аллюзий (с небольшими комментариями) из романа «Двенадцать стульев» занимает 361 страницу «Спутника читателя» Щеглова. Учитывая, что в романе сорок три главы и в каждой из них Щеглов в среднем выделяет около десяти-двенадцати явных или скрытых цитат, общее их количество тяготеет к числу пятисот. Большинство из приводимых неточных цитат представляют собой обращение к русской классической литературе (статистически

наиболее частотны обращения к Пушкину, Гоголю, Чехову, Толстому, Достоевскому).

Однако классическая русская литература XIX века, как и художественная литература в целом, отнюдь не единственная группа претекстов «Двенадцати стульев». Ранее исследователями отмечался, но не учитывался тот факт, что Ильф и Петров работают также с нехудожественными источниками. Обращением к ним нередко обуславливается стилистический колорит произведения, отображающего особенности эпохи НЭПа, — прежде всего через речь ее современников.

Безусловно, роман «Двенадцать стульев» — не историческая монография и даже не исторический роман, но, как замечал главный исследователь творчества «двух молодых дикарей» Щеглов, — «несмотря на свою карикатурную и фарсовую поэтику, романы Ильфа и Петрова дают глобальный образ своей эпохи, в известном смысле более полный и эпически объективный, чем многие произведения... 20-30-х гг.» [\[1, с. 11\]](#). В конечном счете причина обращения соавторов к документам той или иной эпохи (докладам, статьям, путеводителям) — это художественная задача, состоящая в объективном отражении определенного времени прежде всего через сознание современников, через язык.

В некоторой небольшой мере метод, который используют Ильф и Петров, напоминает тот, что анализирует в своей работе «Пушкин в работе над историческими источниками» Г. П. Блок. Исследователь исторической прозы Пушкина указывал на важность стилистической работы, которую проводил Пушкин с целью создания «не плоскостного, а объемного изображения» [\[7, с. 69\]](#) пугачевского восстания, представление о котором должно сложиться у читателя в результате знакомства с разными голосами и точками зрения современников.

Ильфа и Петрова также чрезвычайно интересует стилистика приводимых источников. Достаточно большое количество случаев обращения к чужой речи продиктовано желанием «вызывать в душе читателя... общий культурно-речевой колорит эпохи» [\[1, с. 92\]](#). Приведем каждый из таких случаев.

В книге «Пушкин в работе над историческими источниками» Блок не только дает характеристику обращения Пушкина к тому или иному источнику, но и приводит классификацию использованных автором цитат (под цитатой здесь и далее понимается повторение элементов претекста в рамках нового создаваемого произведения — соответственно пониманию термина Н. Фатеевой, утверждавшей, что цитата всегда нацелена на читательское узнавание, и потому ее отличает в первую очередь сохранение предикации [\[8, с. 25-38\]](#)).

По Блоку, цитаты делятся, с одной стороны, на явные и скрытые, а с другой — на ссылочные и иллюстративные. Именно этот принцип будет использован для изучения аллюзий на нехудожественные источники в романе «Двенадцать стульев».

Под явными цитатами Блок понимает те, что набраны курсивом или заключены в кавычки; под неявными — те, что не обозначены в тексте как цитаты.

Роман Ильфа и Петрова — художественное произведение, следовательно, обозначенные цитаты из того или иного источника практически отсутствуют. К случаям **явных цитат** можно отнести цитирование путеводителей: во-первых, путеводителя из книги 1926 года, который Остап прочел при свете дрянного керосинового фонаря:

«На правом высоком берегу город Васюки. Отсюда отправляются лесные материалы, смола, лыко, рогожи, а сюда привозятся предметы широкого потребления для края, отстоящего на 50 километров от железной дороги. В городе 8000 жителей, государственная картонная фабрика с 320 рабочими, маленький чугунолитейный, пивоваренный и кожевенный заводы. Из учебных заведений, кроме общеобразовательных, лесной техникум» [\[9, с. 220\]](#).

Цитата совершенно точна во всем, кроме названия города. В действительности описание в книге («Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой»). Л., 1926) относилось к городу Ветлуга — замечание об этом есть и в комментариях к роману Одесского и Фельдмана, и в «Спутнике читателя» Щеглова [\[1, с. 310\]](#).

Дрейфуя на волнах в старой лодке (глава XXXVIII), Концессионер цитирует, прерываясь на замечания, и другой путеводитель, на сей раз — по Чебоксарам:

«Обращаем внимание на очень красиво расположенный г. Чебоксары... В настоящее время в Чебоксарах 7702 жителя... Основанный в 1555 году, город сохранил несколько весьма интересных церквей. Помимо административных учреждений Чувашской республики, здесь имеются: рабочий факультет, партийная школа, педагогический техникум, две школы второй ступени, музей, научное общество и библиотека... На Чебоксарской пристани и на базаре можно видеть чувашей и черемис, выделяющихся своим внешним видом» [\[9, с. 230\]](#).

Щеглов в «Спутнике читателя» отмечает, что «цитирование путеводителя — характерный элемент романтико-иронического путевого очерка» [\[1, с. 310\]](#). Комический эффект создается благодаря стилистике — путеводитель как будто отличается некоторым зазывным характером, над чем иронизирует сам Бендер: «Давайте бросим погоню за бриллиантами и увеличим население Чебоксар до 7704 человек. А?» [\[9, с. 230\]](#). В общий культурный фон вписывается также интерес к наличию в городе партийной школы и рабочего факультета.

Необходимо сделать оговорку: в приведенных выше случаях отчетливо прослеживается обращение Ильфа и Петрова к документальному источнику, но в большинстве случаев, перечисленных ниже, невозможно подтвердить или опровергнуть факт подобного обращения. Соавторы могли не столько работать над текстом документов, сколько просто использовать ту их лексику, которая уже вошла в обиход. Известно, например, что Ильф имел привычку фиксировать выхваченные из бытового контекста фразы в записных книжках.

Значительную часть **скрытых цитат** (то есть цитат визуально не обозначенных) из названной нами группы нехудожественных текстов образуют фрагменты высказываний В. Ленина и К. Маркса:

1. «ДЕЛО ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ» [\[9, с. 226\]](#). Источник высказывания — труд Маркса: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» [К. Маркс, Общ. устав Международн. товарищества рабочих]. Щеглов, а также ранее — Одесский и Фельдман — указывают в качестве источника речь Ленина на IV-й конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы в 1918 [\[1, с. 317\]](#).

2. *«Об этом не думайте. Когда будут бить — будете плакать, а пока что не задерживайтесь! Учитесь торговать!»* [цит. по 1, с. 315]. Последнее риторическое восклицание — лозунг начала НЭПа, сформулированный Лениным в начале двадцатых годов, однако Щеглов указывает и другой источник, доклад Ленина «Н.Э.П. и задачи политпросветов»: «Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды» [цит. по 1, с. 317];

3. *«Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся»* [цит. по 1, с. 354–355]. Афоризм Остапа почерпнут из публицистического творчества Ленина: «Лед тронулся. Советы победили во всем мире» [Ленин, Завоеванное и записанное, статья в "Правде" от 6 марта 1919, см. Собр. соч., т. 37, стр. 513] [цит. по 1, с. 354–355].

4. *«Почем опиум для народа?»* [цит. по 1, с. 192]. Вызывающий вопрос Остапа отцу Федору отсылает к известному высказыванию Маркса: «Религия — опиум для народа» [Критика гегелевск. философии права], которое также использовалось Лениным [Социализм и религия] [цит. по 1, с. 192].

Обращение к языку Ленина и Маркса, предполагается, характерная черта раннесталинской эпохи и ее языкового контекста. Для Ильфа и Петрова важно, как уже говорилось выше, воссоздать не только детали советского быта, но и живой язык описываемого времени. Однако неточные цитаты из Ленина и Маркса в устах Остапа — такое же средство создания комизма, как и устаревшие поэтизмы. Комбинатор никогда не произносит чужие слова в том контексте, который подразумевался первоисточником: «опиум для народа» — лишь оскорбление конкурента по поиску сокровищ, «лед тронулся» — описание прорыва в сомнительной афере. Лексика советского дискурса, безусловно, соответствует изображаемой эпохе, но она такая же часть игры в травестию, как элементы монархической риторики.

В действительности значительную роль в «Двенадцати стульях» играют образы так называемых «бывших людей»: «полупереваренный дореволюционный материал то и дело проглядывает... из-под форм новой действительности» [\[1, с. 20\]](#). Отразилось это и в языке. Самым очевидным примером можно считать речь Комбинатора во время встречи тайного союза меча и орала, на котором собирались деньги якобы на восстановление монархического строя. Обратим внимание на формулировки Великого Комбинатора. Не являясь примерами сильной интертекстуальности, они тем не менее имеют свои источники:

1. *«— Мадам, — сказал он [Остап], — мы счастливы видеть в вашем лице... Он не знал, кого он счастлив видеть в лице Елены Станиславовны»* [\[1, с. 217\]](#). Риторика Остапа отчетливо коррелирует с монархическим дискурсом, наиболее возможный источник ее, по указанию Щеглова, — тронная речь Николая II при открытии 1-й Государственной Думы: «Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которые....» [\[1, с. 217\]](#).

2. *«Из всех пышных оборотов царского режима вертелось в голове только какое-то "милостиво повелеть соизволил"»* [\[1, с. 217\]](#).оборот заимствован Ильфом и Петровым из текстов императорских указов и распоряжений. Щеглов указывает следующий подтверждающий источник: «Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств....» [Барк, Глава из воспоминаний, стр. 20] [\[1, с. 217\]](#).

3. *«Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи...»* [\[1, с. 218\]](#).

Канцеляризм, характерный для документов царской России. Опять же нельзя сказать, обращались ли соавторы к конкретным документам или воспроизводили элементы риторики, почерпнутой из живой жизни. В качестве возможных источников Щеглов называет следующие: «"Со всех концов родной земли доходят до Меня обращения, свидетельствующие о горячем стремлении русских людей приложить свои силы... [из высочайшего рескрипта И. Л. Горемыкину, Летопись войны 1914–15 гг., 27.06.15]"»; «"По всей земле Русской, от подножия Престола до хижины бедняка, не смолкает трепет тревоги народной" [из обращения новгородских дворян к царю в 1916, в кн. Козаков, Крушение империи, т. 2, стр. 258]» [\[1, с. 218\]](#).

Желание Остапа смотреться монархистом передает прежде всего его тщательно продуманная соавторами речь. Обращение к монархической риторике в то же время продиктовано целью воссоздать образ ушедшей эпохи в бедной гостиной Елены Станиславовны.

Разумеется, отчаянное желание «бывших людей» вернуться в мир, унесенный ветром, представлено комично и приводит в конце концов лишь к массовому аресту.

Тем не менее показательно подобное сочетание, казалось бы, несочетаемых источников, к которым так или иначе обращались соавторы в речи главного героя романа, Остапа. С одной стороны, он персонаж-хамелеон — подстраивающий не только свою внешность (недаром носит с собой чемоданчик, содержащий, например, милицескую фуражку), но и речь под обстоятельства, он блестящий мошенник. С другой стороны, слияние советского и дореволюционного дискурсов — очевидная черта эпохи, уже характеризующейся новым бытом, но еще хранящей в культурной памяти «тяжелое наследие царского режима».

Основная роль явных и скрытых цитат — стилистическая, потому они не указывают на подтекст или дополнительный смысл. Метод Ильфа и Петрова в данном случае отчасти напоминает метод работы с «чужим словом» В. Ерофеева — в той форме, в которой он был описан А. Агаровым в статье «"Сэр, почему вы кушаете своих жен?": о роли цитаты у Венедикта Ерофеева». Цитаты не понимаются как ключи к закрытым подтекстам, но становятся «конструктивным элементом, на котором строится текст» [\[6\]](#).

Говоря о функциях цитаты в исторической прозе, Блок называет следующие — во-первых, *убеждение*, подкрепление слов автора чужим свидетельством, которое приводится для большей убедительности (обычно дословно); во-вторых, *украшение* повествования «образцом того языка, каким говорили или писали в изображаемое автором время» [\[7, с. 25\]](#). Таким образом, по признаку функции Блок выделяет цитаты ссылочные и иллюстративные.

Ориентируясь на типологию Блока, можно сказать, что совершенно все цитаты, приведенные выше, выполняют в тексте **иллюстративную функцию**, так как служат для насыщения повествования элементами языка, характерного для раннесталинского периода: в нем уже доминирует новая риторика, но сохранились и «местами проглядывающие» обороты старого режима: «Читатель не просто узнает в романе привычные ситуации и предметы, но получает возможность полюбоваться ими как частями неповторимого культурно-исторического ансамбля ("Россия 20-х гг."), способного войти в галерею уже известных парадигм такого рода (напр., "эллинизм", "пушкинская эпоха", "провинциальная Америка Марка Твена", "предреволюционная Россия" и т. п.)» [\[1, с. 58\]](#).

Блок отмечал также, что для иллюстративных цитат часто характерно «несколько ироничное отношение автора к языку источника» [\[7, с. 25\]](#), что, пожалуй, в равной степени справедливо и в отношении к пышным оборотам царского режима, и к цитированию Маркса и Ленина в романе «Двенадцать стульев».

Часто это оказывается верно и в отношении цитат из художественных произведений, особенно, русской классики. Они не служат предметом изучения в данном приложении, но все же в качестве примера-подтверждения следует назвать одну следующую цитату. Согласно Блоку, она классифицируется как **явная и иллюстративная**:

«... Очень просто, по-семейному. Вдовица спит и видит сон. Жаль было будить. *"На заре ты ее не буди"*. Увы! Пришлось оставить любимой записку: "Выезжаю с докладом в Новохоперск"» [\[9, с. 102\]](#).

Цитата из стихотворения Фета отчетливо комично контрастирует с канцелярской лексикой второй части высказывания, а также с «прозаичностью» ситуации в целом: Бендер не разбудил жену отнюдь не потому, что любовался ее сном, а потому, что обокрал ее.

Переходя к **ссылочным цитатам**, необходимо отметить, что они, по Блоку, выполняют роль убеждения, то есть подкрепления слов автора чужим свидетельством, что не встречается в романе Ильфа и Петрова. Стоит сказать, это в целом редкий прием для художественных произведений.

Подводя итог, можно заключить, что Ильф и Петров при шлифовке языка романа достаточно часто обращаются в том числе и к нехудожественным источникам. Разделение цитат на явные и скрытые представляется достаточно продуктивным для исследования данных случаев «чужого слова», однако при анализе «Двенадцать стульев» не удалось выявить цитаты, которые бы не выполняли иллюстративную функцию, что позволяет предположить: типология Блока по признаку функции цитаты в большей степени актуальна для описательных исторических сочинений, нежели для художественных, и не может быть положена в основу классификации всех фигур интертекста в романе «Двенадцать стульев».

Обращение соавторов, прозванных Н. Мандельштам «молодыми дикарями» [\[10, с. 345\]](#), к документам эпохи, таким образом, обуславливается тремя факторами: во-первых, иллюстративной функцией, художественной задачей изображения колорита эпохи; во-вторых, данные обращения — часть травестийной игры, реализация пародичности; в-третьих, — средство раскрытия образа главного героя, Великого Комбинатора Остапа.

Библиография

1. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.
2. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
3. Каганская М. Л., Бар-Селла З. Мастер Гамбси Маргарита. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2011.
4. Чудакова М. О. Поэтика Зощенко. М.: Наука, 1979.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Избранные труды. СПб.: «Искусство—СПб», 2003.
6. Агапов А. А. «Сэр, почему вы кушаете своих жен?»: о роли цитаты у Венедикта Ерофеева // Новое литературное обозрение. 2018. №6 (154). С. 57-69.
7. Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. Л., М.: Издательство

Академии наук СССР, 1949.

8. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1998. №5 (57). С. 25-38.

9. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1999.

10. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1970.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает явление «чужое слово» как стилистическая особенность романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Выбор данного произведения обусловлен тем, что, как отмечал Ю. К. Щеглов, это «поэтика, ироничная по отношению отстоявшимся культурам, как старым, так и новым, отстраняющая и десакрализирующая эти культуры, обнажающая в них элемент условности и автоматизма; поэтика, заботящаяся о создании яркого, красивого мира и увлекательного сюжетного действия, но оттеняющая эти эффекты некоторой игрушечностью и пародийностью в моделировании мира». Актуальность работы определяется тем, что на сегодняшний день существует лишь одна классификация интертекстуального материала в романе «Двенадцать стульев», принадлежащая Ю. Щеглову. При этом разделить элементы «чужого слова» по предлагаемому этим ученым принципу достаточно затруднительно: большинство аллюзий будут относиться сразу к нескольким (а иногда сразу ко всем) из перечисленных уровней. Сложность применения типологии для анализа романа «Двенадцать стульев» заключается в том, что большинство фрагментов использованной чужой речи в романе не имеют одного конкретного претекста, а относятся к так называемому «резонантному полю».

Теоретической основой исследования явились работы таких литературоведов, историков литературы, лингвистов, как Н. Я. Мандельштам, Г. П. Блок, Н. А. Фатеева, В. Н. Топоров, Ю. К. Щеглов, М. О. Чудакова, А. А. Агапов, М. Л. Каганская, Зеев Бар-Селла Жак Деррида. Библиография составляет 10 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) статьи не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; контекстуальный анализ, позволяющий проследить специфику функционирования языковых единиц в тексте; дискурс-анализ, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса (в данном случае художественного) и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к ряду существенных выводу о том, что «Ильф и Петров при шлифовке

языка романа достаточно часто обращаются в том числе и к нехудожественным источникам», «разделение цитат на явные и скрытые представляется достаточно продуктивным для исследования данных случаев «чужого слова»; «типология Блока по признаку функции цитаты в большей степени актуальна для описательных исторических сочинений, нежели для художественных, и не может быть положена в основу классификации всех фигур интертекста в романе «Двенадцать стульев», «обращение соавторов к документам эпохи обуславливается тремя факторами: иллюстративной функцией, художественной задачей изображения колорита эпохи; данные обращения — часть травестийной игры, реализация пародичности; средство раскрытия образа главного героя, Великого Комбинатора Остапа» и др.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теории интертекстуальности и явления «чужое слово», а также в изучение творчества И. Ильфа и Е. Петрова; могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике художественной речи, по проблемам русской прозы начала XX века и др.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».